

Масштабирование и особые варианты языковых интерпретаций

Путь *мысли* отличен от пути *личности*. Если личность через поиск в речи-языке некоего *порядка* для своей идентификации порождает облака *смыслов*, в которых наличествует *понимание* и делание, то мысль, прежде всего, своей формой накладывает на *тело речи-языка* (замеч.3) такие членения, которые, через рефлексию [13; 9], фиксируются в *поведенческих* паттернах, в нормах и техниках [12b, 12c, 17]. В моем понимании «локальности» – языковая система является *локальной*, и границами локализации является солнечная система, в которой *солнце* и *планеты* находятся в некотором равноправии: *планетарность* придает особый статус планете *земля*, а солнце задает включенность всей системы в *звездный мир* [12a]. При этом как земля, так и звездный мир являются продуктами конкретизации, или как говорит В.Я. Дубровский, размышляющий над аристотелевым методом конструирования онтологической картины, – «конкретизирующего развертывания начальной абстрактной схемы» [8]. Язык, таким образом, *подлежит* (также в смысле аристотелевых *категорий*) миру человеческой деятельности и миру космического субъекта [13]. То есть *речь-язык* выстраивает себя на этих принципах, создавая вокруг себя органику живого слова и навигационные средства для прокладывания пути к своему развитию (замеч. 1). То, что мы называем «локальным» часто именуют глобальным, и это связано со скейлингом, процессом изменения масштабирования. Изменим масштаб, тогда в *глобальной* рамке рассмотрения мы столкнемся с проблемой фокусировки мысли на *речь-язык* отдельных экземпляров глобального языка-речи и *разговора*. Языкознание чаще всего сводит себя до определенных практик использования языковых и речевых средств в той или иной лингвистической общности, например, англосферы [1; 4: 21]. Населяющие планету народы говорят и изъясняются на своих *наречиях*, которые уже в массе своей описаны и имеют возможность трансляции из одной системы бытования речи-языка в другую. Хотя и существуют известные *трудности перевода*, например, английского на испанский, или старославянского на современный русский. Не думаю, что поиск особенностей частного практикования речи-языка может привести к конструктивному диалогу [4: 20, 9]. Хотя задача налаживания общения, например, слепого с глухим, может иметь практическую значимость (как особенности слепого воспринимать мир только посредством звуков совместить с особенностями другого, для которого главным каналом связи с внешним миром является зрение, и для которого мир предстает в своих образах, свете и красках) [17a]. Мы можем еще раз сменить масштаб и говорить про «локальное» в новом смысле. Тогда встает исследовательский и практический вопрос, как уралистика, в частности, пермистика может встраиваться в *глобалистику* (в

языкознании)? Как построить *концерт* локальных языковых систем? Кто может и должен стать *хорегом* [12с]? И если одна деревня с другой может найти средства установления конструктивного соседства, то как этого – соседства и гармонии – добиться в глобальной деревне? Трудные вопросы, на которые мы обязаны найти должный ответ. Наука, в ее нынешнем состоянии, *ономастична*, она порождает имена и названия объектам и предметам. Несмотря на то, что в науке должен присутствовать *субъективный* момент (школьные направления исследования языка), она по преимуществу *объективна* (замеч.2).

История – это, главным образом, история *войн* и военного искусства. С падением берлинской стены и, даже еще раньше, с атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки история войн закончилась. Так называемая холодная война была переходным периодом от истории к *пост-истории* или от суверенитета групп и частей к *целостности* планетарного организма. История войн должна замениться *историей складывания мира*. Но вначале должна отразиться предыстория [2;15]. Мир как бытие человечества нуждается в мире как гармонии частей и групп этого целого. И если внутри группы может быть свой групповой (материнский, национальный) язык, то в складывании целого важен один общий язык (замеч. 3). Из самых развитых языков (в практике международной кооперации) является английский язык в его международной версии. Не китайский и не французский и не русский и не суахили... Пермистика – слово, созданное по подобию слов *славистика* или *русистика*, но по содержанию, скорее всего, уже. В соотношении объемов и рамок (русистика, пермистика) надо разбираться. Например, осуществив глоссематический анализ пермских языков [17а].

Рассмотрим табличную 2x2 диаграмму Луи Эльмслева [17b]: четыре квадранта возникают на пересечении четырех категорий – по столбцам: содержание (контент) и выражение (экспрессия); по строкам: форма и субстанция. Если эти категории обозначить одной буквой, С, Е, F и S, то эти квадранты можно обозначить следующим образом (правый столбец – дополнительная интерпретация, взятая из эннеграмматического анализа [12а, 12с]):

CF	Форма содержания (выбирается порядок)	Мир / объединение
EF	Форма выражения (организация)	Луна / бытование, личность
CS	Субстанция содержания (выбирается)	Звездный мир / поведенческие паттерны
ES	Субстанция выражения (составляется)	Земля / делание, понимание

Следует отметить, что эту схему можно прочесть и как трехслойную: верхний слой – форм, средний слой – субстанций, нижний слой – материи. В нижнем слое фиксируются следы или черты содержания или следы (черты) выражения.

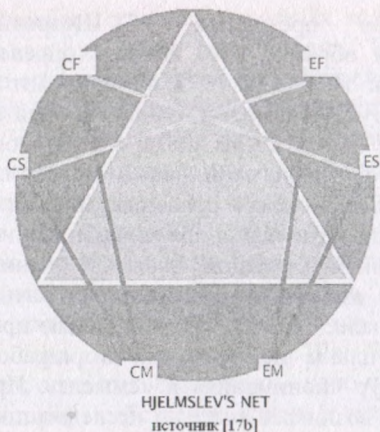

Рисунок 1

Получилось вполне удовлетворяющим образом глоссематическое толкование эннеаграммы [7; 9]. При этом если пользоваться смыслом исходной диаграммы, содержание – это оформленный материал, включающий тела, вещи, объекты, организмы, организации, физические системы; а экспрессия (выражение) – это функциональные структуры: индексы, иконы, символы, знаки, семиотические системы.

Формы выражения определяются субстанцией содержания $cs \rightarrow ef$, а формы содержания субстанцией выражения $es \rightarrow cf$. Такое перекрестное «опыление» - неизбежный атрибут динамической системы.

В русском орнаменте [11] это «опыление» обретает такие черты связывания, как это показано на рисунке 2.

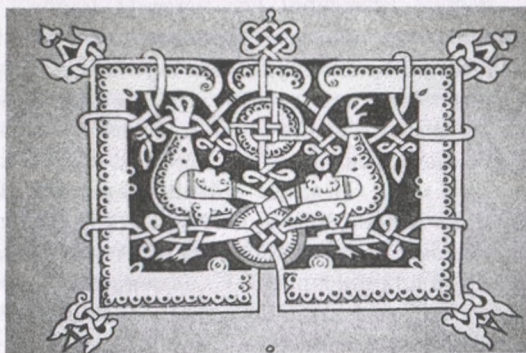

Рисунок 2. Источник: [11, лист 49] (из Минеи XIV века)

Лингвистическая программа Г.П. Щедровицкого 1970-х годов выстраивалась таким образом, что, начав с определения метода работы и способа мышления в 1971 г., к 1979 он приходит к четкой формулировке принципа методологической организации и деятельностного подхода в языковедении. Начав со структуры знака, с всестороннего анализа различных лингвистических школ (парижской, копенгагенской, пражской, лондонской, венской и др.), выявляя смыслы и значения, он с логической необходимостью вводит в рассмотрение отношения значения и знания, рассматривает знания, обслуживающие функционирование знака, и знание языка [16а]. Подойдя вплотную к анализу языковой реальности, он начинает обсуждать понятие «существования» и, далее, через проблематизацию предыдущего этапа работы, выходит на новые планы исследований и разработок, в фокусе которых исследование структур «понимания» и «смысла». При наложении структуры смысла на материал возникает текст, и исследование переходит в плоскость анализа акта коммуникации и деятельности, понимания и мышления [16б]. Осуществив членение «понимания-мышления» на элементы и единицы, московскому методологическому кружку удалось выйти на то, чтобы, реализуя методологический подход, выйти на программирование новых исследований речи-языка. Тема «схемы и знаки в мышлении и деятельности» [16с] стала одной из сквозных и на следующем, игротехническом, этапе развития московского методологического кружка в 1980-е годы.

Языковедческой проблематикой в этом подходе занимается исследовательская лаборатория образовательного центра С.М. Аристовой. После первого доклада на конференции в Кудымкарском филиале УдГУ в 1998 г. проделана определенная работа, о результатах которой мы намерены сообщить в ближайшее время. В данной статье мы фокусировались на материале, предшествующих методологическому подходу исследований. Это необходимо для того, чтобы наметить горизонт новых исследований.

Замечания

1. Дорожные карты, коллингвудовская *карта знания speculum mentis* [1], картины мира, онтологическая работа [16], *сказка о мире* Флоренского [14а,14б], мифы как повествования [11а,11с], хлебниковские *поиски числа и слова* [15], очки как инструмент вооружающий глаз... Путеводители, пиратские карты сокровищ и пр. пр. ... И далее: «Миян Кудымкар» [10] - чем не карта? Peter Poole отвечая на вопрос, чем культурная карта отличается от обычной, говорит: практически ничем, все отличие в ее использовании...[5].

2. См., напр., мои штудии книги О.С. Ахмановой [1]; см. также штудии по Vademecum Клауса Якобсена [3], в которых он критиковал мои воззрения на *экзистенциальные перформативы*

3. Что главное в теле? Как увязать разные представления о теле с тем, что в эннеграмме выражается как луна, земля, органическая жизнь и мир планет? Что главное в знаке? Как увязать разные теории и подходы к семантике с тем, что выражается как мир, звездный мир, млечный путь, солнце? Можно

говорить о чакрах, о меридианах, о системах, органах, и это все дает описание *функционирования тела*, его здоровья или болезни. Но если говорить о «*принципиальном теле*», о *семе*, то как его функционирование, через процессы и состояния, или иначе как, описать? То же можно спросить и о *семе* [4:22-23]? Есть теория, теория Геи, в соответствии с которой земля есть *живое тело*, и тогда можно выстроить онтологию тела земли, куда бы вошли и океанология с метеорологией и геология с географией, и техники работы с теми элементами Геи, которые выходят из состояний нормального функционирования (наводнения, цунами, пожары и пр.) Если Гея – имя тела, то что делать с *другими именами*, Урантией, например? Согласиться на множественность имен? Но правильно ли это? А если *отказаться от имени* вообще? Мне кажется, что имя должно быть *одно*: как говорил Шан Эшер, одна планета – один мир; я бы продолжил: одно имя. Одно тело – одно имя, и тогда: если имя дано, то есть семя, из которого собственно жизнь и произрастает вплоть до пневмосферы и дороги святых на хрустальное небо (через солнце?)

Литература

1. Collingwood R G *Speculum Mentis: Or the Map of Knowledge*, 1982 - Greenwood Press. - 327 p. ISBN 0313237018 (ISBN13: 9780313237010).
2. Inayatullah, Sohail *Expanding our Knowledge and Ignorance Understanding the next 1000 Years*
http://www.kuchaknig.ru/_book.php?book=176906&page=5; Science, Civilization and Global Ethics: Can we understand the next 1000 Years?
<http://www.metafuture.org/Articles/science-civilization-ethics.htm>
3. Klaus Henrik Jakobsen, Peter Zinkernagel. *A companion to Dr. Zinkernagel's Condition for description*. – Odense University Press; 1972, 96 p.
4. Tamara Nazarova, *Linguistic and Literary Semiotics*. – *Applied Semiotics / Semiotique appliquée* 1:1 (1996), pp.19-28.
5. Poole, Peter *Cultural Mapping and Indigenous Peoples*, UNESCO: 2003
<http://www.landcoalition.org/publications/cultural-mapping-and-indigenous-peoples>; http://www.landcoalition.org/sites/default/files/publication/704/03_UNESCO_cultural_mapping.pdf
6. Ахманова О.С. *Словарь лингвистических терминов*, изд.2-е стереотипное. – Едиториал УРСС, 2004 (ISBN 5-354-00600-) / Предисловие.
7. Гурджиев Г.И.; <http://gurdjieff.ru/>
8. Дубровский В.Я. Структурная модель действия // *Психология и методология*. - 2004 г; http://www.genovista.com/topic_x.htm
9. Зильберман Д.Б. Откровение в адвайта-веданте как опыт семантической деструкции языка // *Вопросы философии*, 1972, № 5, С. 117-129.
10. Истомина Елена. *Моя первая книжка о городе*;
[http://permikomi.com/index.php?id=36&no_cache=1&tx_ttnews\[backPid\]=2&tx_ttnews\[tt_news\]=168](http://permikomi.com/index.php?id=36&no_cache=1&tx_ttnews[backPid]=2&tx_ttnews[tt_news]=168)
11. *История русского орнамента X-XVI веков*. М., Арт-Родник, 1997 [В.Бутовский, 1870].

- 12.(a) Королев П.М. Описание лингвистической реальности // Наследие, самосознание, идентичность в контексте этнокультурного образования: материалы заочной научно-практической конференции, посвященной 80-летию I съезда краеведов. – Кудымкар, КГАУ ДПО «Коми-Пермский институт усовершенствования учителей», 2011, 96с, - сс. 33-37; (b) Его же (в соавторстве с С.М. Аристовой) Знаниево-информационное преобразование: рефлексивные игры в человеческом языке // Рефлексивное управление: Тезисы международного симпозиума, 17-19 октября 2000 г. Москва [Редакторы Брушлинский А., Лепский В.] – М.: Издательство «Институт психологии РАН», сс.61-62; (c) Его же. Ритмическая основа строения мифа и практической деятельности. Ханты-Мансийск, 2011 – в печати.
13. Лефевр В.А. Космический субъект. – М.: Ин-квартио, 1996 г.
- 14.(a) Флоренский П.А. У водоразделов мысли: Сборник статей / [Составитель Л. Янович]. – Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1991 – 184 с.; (b) Его же. Мнимости в геометрии. Расширение области двумерных образов геометрии (Опыт нового истолкования мнимостей). – М.: Лазурь, 1991. – 96 с [Издание подготовлено по книге, вышедшей в 1922 году в издательстве «Поморье»]; http://ru.wikipedia.org/wiki/Florenskii,_Pavel_Aleksandrovich
15. Хлебников Велимир. Доски судьбы, 1922; <http://www.hlebnikov.ru/works/index.htm>
16. Щедровицкий Г.П. Знак и деятельность: 32 лекции 1971-1979 годов. В 3 кн. (a) Кн. I 14 лекций 1971 года. Структура знака: смыслы, значения, знания. – М., Восточная литература, 2005 – 463 с., ил.; (b) Кн II Понимание и мышление. Смысл и содержание. 7 лекций 1972 года. – М., Восточная литература, 2006 – 353 с., ил.; (c) Кн. III Методологический подход в языковедении: 11 лекций 1974-1979 годов. – М., Восточная литература, 2007. – 448 с., ил.; Щедровицкий Г.П. [Институт развития – Фонд имени Г.П. Щедровицкого]. Библиография.
- 17.(a) Эльсслев, Луи. Метод структурного анализа в лингвистике / Acta linguistica (Copenhagen) vol. VI, fasc. 2-3, 1950-1951; (b) Hjelmslev's Net. <http://freespace.virgin.net/drama.land/projects/schizoanalysis/hjelmslev.html>